

Витковская Мария Игоревна (Нижний Новгород, студентка V курса; н. рук., - доктор филологических наук, проф. Е. М. Дзюба, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина). Вильнюсское городское пространство в художественном восприятии Иосифа Бродского («Литовский дивертисмент», 1971) и Юргиса Кунчинаса (роман «Туула», 1993)

Особое место в контексте историко-литературных связей русской и европейской культур занимает *вильнюсский текст* [5; 7].

Данная работа обращена к проблеме сравнительно-типологического исследования национального художественного текста на примере романа литовского писателя Юргиса Кунчинаса «Туула» (1991) и «Литовского дивертисмента» И. Бродского (1971).

Объектом исследования стала художественная специфика вильнюсского городского пространства второй половины XX века, его типологические характеристики, объединяющие произведения Бродского и Кунчинаса. В центре внимания также тема памяти, индивидуальной и социальной, позволяющая сопоставить художественное воплощение образа города у Бродского, чей «дивертисмент» написан в начале обозначенного периода, и Кунчинаса, творчество которого стало своеобразным прощанием с «советским» периодом вильнюсского текста.

Для Бродского и Кунчинаса Вильнюс – это место, где сосуществуют многообразные культурные традиции – польская, еврейская, русская. Для героя романа Кунчинаса – это еще и немецкая культура, так как он учится на переводчика. В текстах обоих произведений бесконечно переплетаются историческое прошлое и настоящее вильнюсской жизни, личная история и история страны.

Пространственные характеристики вильнюсского текста сопряжены с течением времени – с прошлым и будущим, с текущим моментом и вечностью.

Так, во фрагменте «Леиклос», посвященном улице, на которой жил Бродский в Вильнюсе, отражено стремление стать частью вечного временного потока:

*«Родиться бы сто лет назад
и сохнущей поверх перины
глазеть в окно и видеть сад,
кресты двуглавой Катарины...»[1, с. 251].*

Воображение позволяет вернуться на сто лет назад и прожить совсем иную вильнюсскую историю, историю многих, кто пережил и Первую мировую войну, и путешествие на заработки, и эмиграцию в Америку.

Вильнюсская топография, воспроизведенная в «Литовском дивертисменте» Бродского, и в романе Ю. Кунчинаса является носителем и хранителем вечных для многих поколений ценностей. От бытового восприятия: от луж, снег, аэропорта, возвращения домой «под хмельком» до вневременного, бытийного – «от жертвы толчеи» к «детали местного барокко», к костелу Святого Духа (*Dominikana*) [1, с. 251].

Роман Кунчинаса «Туула», изданный в 1993 году, по определению самого автора является романом *«о чувствах, но прежде - это роман о времени, об определенном периоде в Вильнюсе, с конкретными местами, об обращении к еще более ранним временам, студенческим, к тому как выглядел Вильнюс 20-25 лет назад...»* [6, с.6] .

Рефлексия над недавним прошлым заставляет рассказчика погрузиться в воспоминания. Все ключевые локусы романа соотнесены с ретроспективным изображением города. Образ Вильнюса создается с помощью приема сложного взаимоналожения социального и исторического пластов городского текста. С одной стороны, Вильнюс существует как пространство *социальное* – материальная оболочка, внутри которой и существует герой, пытаясь преодолеть воздействие обыденной жизни (бессмысленность существования, нехватка денег, любовные истории, ссоры с хозяйкой квартиры). Но социальный пласт вильнюсской жизни существует только внутри «кокона» исторической жизни: узких улочек, низеньких домов с апсидами, величественных костелов, мостиков через Вилейку.

Все эти детали вильнюсской *вечности* в романе становятся порталом в параллельный, скрытый от чужих глаз Вильнюс *сакральный*, путь к которому часто становится единственной возможностью спасения для героя. Неслучайно, именно в старом городе живет возлюбленная героя Туула – героиня с вымышленным, нелитовским именем.

В этом мире каждая деталь становится символической, обретает почти сакральный смысл: *«В ту пору Туула жила между двумя мостиками — крытым, современным, ведущим прямо к входным дверям ее бывшего института, и грузовым, бетонным, неподалеку от Бернардинского монастыря. На берег, где она снимала жилье, и в окутанный дымкой город Туула ходила по бетонному... Я тоже попал в темную утробу Заречья только по этому мосту; долгое время мне и в голову не приходило, что в единственном доме с апсидой, расположенном между двух прочных, сравнительно новых мостиков, обретается она, Туула, которая шмыгает здесь утром и вечером, приводит к себе гостей...»* [6, с.15]. Читателю с первых строк становится понятно, что оба этих Вильнюса находятся в тесном сопряжении друг с другом, пересекаются, перетекают из одного в другой.

Прием взаимопроникновения *социального* и *сакрального* пластов обнаруживаем и в «Литовском дивертисменте» Бродского. Противоречивость человеческого бытия заключена в строчках «Вступления». Этот переход от сиюминутного неудобства к вечности осуществляется молниеносно:

*«Весенний полдень. Лужи, облака,
бесчисленные ангелы на кровлях
бесчисленных костелов; человек
становится здесь жертвой толчеи
или деталью местного барокко» [1, с. 251].*

Художественное восприятие Вильнюса рождается из оппозиции *прошлое - настоящее*, вектор которой всегда обращен в прошлое. Оппозиция влияет на рождение мотива ностальгии, необъяснимой тоски по минувшему.

Так, у Бродского ностальгическое чувство реализовано не только в воспоминаниях, обращенных к вымышленной судьбе (*«тележку с рухлядью толкать по желтым переулкам гетто; вздыхать, накрывшись с головой, о польских барышнях, к примеру»* [1, с. 252]), но и в стремлении к свободе художественных трансформации привычных образов (превращение «Драконоборческого Егория» в литовскую «Погоню» времен Витовта).

В романе Юргиса Кунчинаса мотив ностальгии помогает осмыслить генетическая тоска героя по личному и связанному с ним историческому прошлому: *«...И вот я снова бреду мимо реставрируемого Бернардинского монастыря, по опавшим листьям кленов и тополей, по асфальту и клинкеру со стороны Пречистенской церкви к дому с апсидой, останавливаюсь на одном из мостиков, опираюсь о перила, закуриваю и впериваюсь в пронизанный сыростью дом по ту сторону реки - разглядываю вытянутый монастырь, где жила когда-то моя тетка Лидия и кузены-американцы, в дверь которого осенью 1945 года, вернувшись из поверженного Рейха, постучался отец...Эта связь приобретает другие формы, и в то же время становится прочнее, не знаю, понятно ли я выразился. Но одно знаю совершенно определенно: я обречен приходить сюда снова и снова, никуда не денешься»* [6, с.203].

Самоирония героя Бродского, дисгармоничность жизни и неустроенность быта героя Кунчинаса, встречаясь с вечностью архитектоники старинного города, переплавляются в размышления о непреходящих ценностях. Можно сказать, что город становится местом, где герои обретают баланс между социальностью и сакральностью:

*«сядь на скамью, и погода,
в ушную раковину Бога,
закрытую для шума дня,*

шепни всего четыре слога:- Прости меня») [1, с 255].

Одним из локусов памяти, воссозданных Бродским как особое сакральное пространство, становится знаменитое у литовской и русской интеллигенции кафе «Неринга». Напомним, что это вильнюсское кафе, расположенное в центре города, стало для поэтов, музыкантов, интеллектуалов того времени знаковым местом. Привлекательным его делал и европейский интерьер, и дух западного свободомыслия. Здесь бывали художник С. Красаускас, скульптор К. Валайтис, Т. Венцлова и И. Бродский, Б. Окуджава, Б. Ахмадулина, А. Вознесенский и мн. др. С образом «Неринги» связано и представление о молодости, беззаботности, свободе нравов. В пространстве «Неринги» время оживает: оно *«уходит в дверь кафе»*, утекает под *«дребезг блюдец, ножей и вилок...»*.

Кунчинас также упоминает в романе «Туула» знаменитое кафе как место встречи друзей, непризнанных талантов: *«Притащил бы сюда знакомого музыканта из «Неринги»: гляди, Вацловас, какой нынче все приняло вид! Между прочим, если гений тут и в самом деле жил, то он мог обретаться разве что в гостиной...»* [6, с.97].

В «Литовском дивертисменте», как и в романе Кунчинаса, сиюминутное существует в оболочке вечных ценностей. В частности, роль этой ценностной оболочки играет и пространство кафе «Неринга». Время и пространство там подчиняются каким-то особым законам, не связанным с законами физики: время *«уходит в дверь кафе»*, а пространство *«долго смотрит ему в затылок»* [1, с. 253].

Не действуют законы физики и в романе Кунчинаса. К любовной истории героя и Туулы, зародившейся в Вильнюсе и длившейся всего неделю, рассказчик обращается на протяжении всего романа, который представляется своеобразным дневником его памяти. В романе город определяет алгоритм любви. История любви как призрак, как фрагмент воспоминания сопровождает «Литовский дивертисмент» (часть 5. «*Amicum-philosophum de melancholia, mania et plica polonica*»), заставляя героя в очередной раз задуматься о космическом одиночестве и его неприкаянности в обыденной жизни:

*«И ты в потемках одинок и наг
на простыне, как Зодиака знак»* [1, с.254].

Для Кунчинаса и Бродского память о близком и далеком — одна из важнейших функций человеческого сознания. В текстах обоих авторов обнаруживаем проявление *памяти личной* и *памяти исторической*, а город становится своеобразным мостом, позволяющим соединять *индивидуальное* и *социальное*.

В изображении Кунчинаса Вильнюс ценен не только как исторический или социальный объект, он является ключом к пониманию мыслей и чувств героя. Город становится невольным свидетелем жизни и, соответственно, хранителем воспоминаний:

«Видишь ли меня, давящегося грязью, воспоминаниями, слюной, слезами, ощущаешь ли в паху мой вновь настроенный по-боевому прут, отправишься ли верхом вместе со мной по проклятой ухабистой дороге прямо в преисподнюю, сполохи которой уже видны из-за тех холмов, со стороны Мотыльковского кладбища, Полоцкого шоссе, улицы Филарету и Бельмонтского леса?» [6, с.23].

У Бродского в седьмом стихотворении «Литовского дивертисмента» «Dominikanaj» каждая деталь города, архитектурное сооружение или элемент ландшафта становятся знаковыми, поскольку вызывают в душе героя отклик, который сразу же преобразуется в воспоминание. Возникает мотив преобразования современного героя, связанный с категорией памяти и детерминированный городской топонимикой:

*«Сверни с проезжей части в полу-
слепой проулок и, войдя
в костел, пустой об эту пору,
сядь на скамью...» [1, с 255].*

Объединяет Бродского и Кунчинаса изображение личности в контексте социально-исторического времени. *Социально-историческое, бытовое время* представлено как время выживания, мучительного поиска смысла существования, самоиронии по этому поводу (у Кунчинаса – обретения мнимой свободы в алкоголе; у Бродского – в обретении мнимой свободы в «скромной приморской стране»).

Т. Венцлова, характеризуя это время, заметил: *«Империя, как это ей свойственно, давит, но дает заметные трещины: в каких-то ее закоулках, норах, углах можно художественно существовать, более того - прожить полную и цельную, единственную в своем роде жизнь. Вильнюс сам по себе - особый угол» [4, с.7].*

Оба автора так или иначе затрагивают тему человека в условиях системы, но стремясь переступить через рамки советской действительности, Кунчинас и Бродский изображают жизнь Вильнюса в неразрывном единстве с культурной жизнью Европы. Оба автора приходят к пониманию того, что Вильнюс и литовская история обретают сакральную проекцию только тогда, когда личная история начинает отождествляться с общей. Лирический герой Бродского, так же, как и герой Кунчинаса, чувствуют свою причастность к европейской цивилизации, ощущают себя не как часть определенного социального уклада, а как граждане мира. Они оба ощущают желание быть подальше от власти, от столиц, от политической жизни. Об этом и знаменитые строчки Бродского: *«Если выпало в империи родиться, лучше жить в провинции у моря»...*[2, с. 270], и желание в «литовском дивертисменте» быть частью Европейской культуры.

Герой Кунчинаса уже в начале повествования пишет о себе как о европейце по определению: *«Мы с Туулой никогда не заводили разговор о своих генах, вероятнее всего потому, что и без того чувствовали себя нормальными европейцами»* [6, с.78].

Вильнюс в 70-е – начале 90-х годов жил столичной жизнью, но по сравнению с Москвой или Ленинградом все же осмысливался как европейская провинция, что придавало городской жизни и особый ритм, и специфические ценностные ориентации. Это, безусловно, ощущается в текстах Бродского и Кунчинаса.

Типологически близким для Бродского и Кунчинаса становится стихотворение Ч. Милоша «Дитя Европы» (в переводе И. Бродского), в котором он представляет историю политических катаклизмов, завершающуюся потерей страны. Текст сопровождается мощной энергией отрицания:

«Не влюбляйся в страну: способна исчезнуть с карты.

Ни тем более в город: склонен лежать в руинах

Не храни сувениров. Из твоего комода

может подняться дым, в котором ты задохнешься.

Не связывайся с людьми: они легко погибают..» [3, Выделено мной– М. В.].

Герой Кунчинаса расстается с прежней страной, но навсегда сохраняет память о любви и высокой истории Вильнюса. В представлении героя Бродского современная история не может существовать без вечных ценностей.

Итак, в центре внимания стихов Бродского и романа литовского автора Кунчинаса оказывается человек, его личный опыт, чувства, сопряженные с вечными ценностями. Камертоном к этим размышлениям и ощущениям выступает образ городского вильнюсского пространства. Вильнюс чутко прислушивается ко времени и вбирает в себя его настроения, сохраняя приметы бытийного исторического времени, отрицая все наносное, бытовое и социальное, возвращая это время людям из настоящего как память, как нравственную опору, как возможность возрождения героя.

Список литературы:

1. Бродский, И.А. Литовский дивертисмент / И.А. Бродский /Бродский И.А. Форма времени: стихотворения, эссе, пьесы: В 2-х т. Т.1: Стихотворения., 1992. с. 251-255.
2. Бродский, И.А. Письма римскому другу/ И.А. Бродский /Бродский И.А. Форма времени: стихотворения, эссе, пьесы: В 2-х т. Т.1: Стихотворения., 1992. с. 269-271.
3. Бродский И. А. Стихотворения и поэмы. В 2-х томах. СПб, Лениздат. 2017
4. Венцлова Т. Роман без вранья // Кунчинас, Ю. Туула: Роман; Менестрели в пальто маски: Рассказы / Пер. с лит. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. – С. 5–10.

5. Видугирите, И., 2011. «Вильна» Константина Бальмонта: русский голос в «Вильнюсском тексте» литовской литературы. *Literatūra*, 53 (2), 17–25.
6. Кунчинас Ю. Туула: Роман; Менестрели в пальто макси: Рассказы / Пер. с лит. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. – 464 с.
7. Лавринец П. М. Присвоение Вильнюса в русской литературе. *Уральский исторический вестник*. 2014. № 3 (44). С. 63-69.